

УНИВЕРСИТЕТ И РЫНОК: СОПОСТАВИМЫ ЛИ АКАДЕМИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ?

Ж. ЛЕВО

Современные университеты большинства развитых обществ на протяжении последнего полувека пытались соответствовать все возрастающему социальному заказу. Сопутствующие этому структурные и административные изменения университета, связанные, главным образом, с тенденцией к массификации высшего образования и с демократическим требованием равенства шансов, свидетельствуют о том, что образовательные учреждения в течение последних нескольких десятилетий явно претерпели и глубокие функциональные изменения. Трудно себе представить, чтобы перед лицом новых социальных процессов эти институции продолжали мыслить себя как исключительно образовательные учреждения, формирующие научную элиту. Может ли в этой связи быть переосмыслена логика организации университета, понимаемая как «академическая рациональность»?

Рефлексия, направленная на осмысление изменения функций университета в современную эпоху, непосредственно зависит от новых социальных условий, которые определяются новыми экономическими тенденциями. Иначе говоря, с тех пор как рыночная экономика начала определять формы социальной организации как на национальном, так и на международном уровне, главное усилие по философско-политическому анализу практического аспекта вопроса об университетах было направлено на разворачивание дискуссии о противостоянии академической и экономической рациональности. Основная цель состоит в данном случае в том, чтобы выявить трудности, возникающие в данном контексте.

Экономическая рациональность описывает логику, согласно которой люди ищут оптимальные условия эксплуатации их пространства, иначе говоря, озабочены получением максимально возможной прибыли для удовлетворения своих потребностей и реализации частных интересов. Экономическая рациональность описывает, таким образом, логику отношений, структур, организаций или институтов, ответственных

за создание такого общества, которое будет оптимальным образом организовано для достижения максимально возможного благосостояния. В условиях создания материального благосостояния, частично обусловленного трудом людей, а частично тем, что природа и их собственная натура предоставляет им как материал или средство для труда, эта рациональность в ее наиболее совершенной форме предполагает организацию труда, способствующую наилучшей эксплуатации ресурсов теми, кто ее осуществляет. Не предполагает ли время от времени такого рода эксплуатация сакрализацию индивидов, которые не полезны для нее, а напротив, могут чинить препятствия благоприятному развитию экономики?

В свою очередь, академическая рациональность, если вообще возможно употреблять это выражение по аналогии с понятием экономической рациональности, имеет отношение к совершенно иной области — к производству знания, а не, как может показаться, к производству богатства, и связана, таким образом, с принципиально иными вопросами. Академическая рациональность представляет собой такую логику организации университетского образования, которая ему позволяет наилучшим образом реализовывать свои производственные задачи и распределение знания на высоком уровне. Она предполагает, что совокупность правил функционирования университета имеет своей целью создание максимально благоприятных условий для производства и распространения знания. То есть необходимо, чтобы таланты наилучших специалистов в области знания (производителей как распространителей) были признаны и валоризованы, что возможно только при объективных или беспристрастных критериях, свойственных научной и педагогической безупречности. Кроме того, представляется необходимым найти материальные средства, способствующие увеличению степени эффективности в производстве и распределении знаний.

Определение этих двух типов рациональности демонстрирует их различие. Так, если логика академического пространства, реализованная с момента создания первых университетских институций, фактически оказывалась вне взаимосвязи с логикой экономического поля, то необходимо при анализе выше обозначенной проблемы учитывать исторический фактор, а

именно — разделять современное ее состояние и исторически сложившиеся в те или иные периоды их взаимоотношения.

В историческом плане имеются пять основных отличий между академическим и экономическим измерениями:

В-первых, в течение долгого времени университет оставался под опекой властей, которые решали его судьбу и определяли форму его организации. Будучи зависимым то от церкви, то от государства, в большинстве развитых обществ университет вплоть до недавнего времени не мог найти способы для утверждения своей автономии, что стало возможным лишь в условиях рыночной экономики, при которой он стремится к самостоятельному определению своих собственных норм, несмотря на то, что в ее условиях порой интервенционистские робкие поползновения зачастую воспринимаются как противоречащие самой природе рынка.

Во-вторых, если в первые века своего существования университеты рассматривались как учреждения, предназначенные для формирования профессионалов, то дискуссия о конечных целях знания часто приводила к его дистанцированию от экономического мира в той мере, в какой университет ставил перед собой задачу создать теоретические дисциплины прежде, чем передавать навыки, необходимые для практического пользования.

В-третьих, оставляя в стороне технические вопросы практического применения знания, университетские дисциплины были нацелены на развитие абстрактных методов, нужных более для самого знания, нежели для получения практической компетенции.

В-четвертых, рассматриваемые как корпорации учителей и учеников, университеты сами по себе не являлись акторами экономического мира, но отстаивали свое спиритуалистическое существование в противоположность конкретной профессиональной практике.

В-пятых, пронизанный в глубине своей менталитетом его членов, университет имеет тенденцию к трансмиссии частного представления о полезности морального воспитания человека и об общественном прогрессе, что противопоставляется идее превосходства технического и профессионального образования в условиях рыночной экономики.

Эти исторические примеры оппозиции двух типов рациональности тем не менее имеют тенденцию к смягчению и даже исчезновению, демонстрируя зачастую их конъюнктурный характер. Некоторые факторы лишаются отныне своей исторической объективности и оказываются, по сути, связаны со спецификой обоих типов рациональности, что порой демонстрирует их явно противоречивый характер. Например, как организация преподавателей и исследователей, университет управляется профессионалами, которые не делают целью своего существования личное обогащение, а нацелены на производство и передачу знания. Претендуя на максимальную практическую свободу в преподавании и ведении исследовательской деятельности, университетские работники отказываются обычно от ограничений, навязываемых правилами рынка, основанных на принципе полезности и эффективности. Будучи ответственным за сохранение и производство культуры, университет использует приемы по защите и развитию знания, которые не всегда соответствуют экономическим интересам. И, наконец, в целом общественное учреждение, вынужденное обеспечить всеобщий доступ к знанию в демократическом контексте, играет социальную роль, которая вынуждает его принимать в расчет в условиях отбора социальные ожидания и уравнивать всех в шансах на успех — там, где рыночная логика не может избежать изучения последствий и продуктивности, имеющих наибольшее социальное значение.

Важность этих проходящих через всю историю оснований показывает, что сближение этих двух логик — академической и экономической — предоставляет серьезное основание для того, чтобы перестать видеть во вхождении университета в логику рынка некое противоречие с его академическими свойствами.

Тем не менее, современные трансформации университетских функций, связанных с включением в процесс образования знания и его получением в развитых обществах, напротив, может послужить на пользу менее категоричному анализу. Массовые университеты, осуществляющие включение в процесс приобщения к знанию большого числа индивидов, вряд ли могут также быть рассмотрены как замкнутые на экономической динамике реальности. Не только статья расходов

позволяет говорить о них как о более или менее развитых, но и тот факт, что трудно обосновать тезис, согласно которому, университеты в развитых обществах, ставящие себе целью принять около половины среднего класса на обучение, имеют задачу формирования интеллектуальной элиты для производства знания высокого уровня как эксклюзивную цель университетов.

Конкуренция между учреждениями, где знание формируется, становится все больше и больше, а повышение структурной и человеческой стоимости исследований делают необходимыми значительные финансовые вложения, которые непосредственно связаны с экономической динамикой. Вне финансовой области ставится также вопрос эффективности получения знания и формирования самого знания в рамках академического пространства, отныне подчиненного логике рынка. Не становится ли академическая рациональность экономической рациональностью при существующих у нее способах производства квалифицированных профессионалов и эффективных знаний по аналогии с экономическим полем, которое производит богатства в условиях конкурентного рынка и требует рационализации способов производства этого богатства?

Такой трансформации академической рациональности сопутствует соответствующая трансформация экономической рациональности, опять же выявляющая детали их различия. С одной стороны, переход от постиндустриальных экономик, для которых характерен рост сферы обслуживания, умножает спрос на высоко образованных профессионалов. Поддержка экономического роста, сущностно важного для динамики капитализма, должна быть обеспечена массовыми инвестициями в область образования, что является, таким образом, требованием рынка как такового. Впрочем, это инвестирование нельзя понимать сугубо в финансовом плане, поскольку речь идет в равной степени и об интеллектуальном инвестировании, что важно для осмысления эволюции ожиданий от экономики, а также о приведении к соответствию образования и рынка труда. С другой стороны, научный прогресс является условием технических инноваций и экономического развития. Исследование высокого уровня, таким образом, связано в

большей степени именно с экономическими структурами, и, согласно логике правильно понятого интереса, может извлечь выгоду из средств, которыми эти структуры могли бы воспользоваться в собственных интересах.

Это сочетание академической и экономической логик все-таки не позволяет избежать некоторых важных оговорок. Могут быть приведены два типа возражений. Прежде всего, не все области знания составляют предмет экономического интереса. Как не опасаться того, что академическая рациональность, вновь открытая экономическим возможностям, не оставит в стороне области, менее полезные для экономики? Что касается областей, непосредственно связанных с экономической динамикой, то возникают вопросы о том, в каком виде и до какой степени было бы возможно надеяться на достижение согласия между потребностями рынка и логикой формирования знания и получения знания. Наделяя университеты профессионализирующей функцией, нет ли риска исказить знание, делая его исключительно полезным, отказавшись от культивации человека во имя формирования его исключительно в качестве профессионала-практика? Ожидая от научного прогресса, что он сделает более эффективным экономическое развитие, не предполагает ли это привилегированное положение прикладного исследования в ущерб исследованию фундаментальному, чья непосредственная экономическая полезность менее очевидна?

Эти два типа проблем приводят к необходимости определенной рефлексии о возможности сближения академической и экономической рациональностей, исходя из им присущих логик. Порожденные независимо друг от друга современностью, рыночная экономика и университет достигли прогресса во взаимоотношениях в том смысле, что отныне нет более необходимости задаваться вопросом о трудностях, которые их встреча может породить. Однако встает много новых вопросов, среди которых принципиальное значение имеет следующий: способны ли эти два типа рациональности прийти к какому-то общему знаменателю в ситуации перманентной сменности их конфликта и примирения?